

Дети лейтенанта Проппа. Часть II. Шедевры кунстнауки

– А у меня в кармане гвоздь!
А у вас?
А у нас сегодня гость!
А у вас?
– А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюда не хотят!
– А у нас в квартире газ!
А у вас?
– А у нас водопровод!
Вот!

Сергей Михалков

В продолжение темы предыдущего очерка¹ полюбопытствуем – заглянем в комментарии на сайте. Есть много восторженных восклицаний, вроде: «Безумно (так! – *ПБ*) интересная женщина», «Крутая лекция!!!», «Браво!» Есть и более пространные, здравые суждения, касающиеся несоответствия названия содержанию, отсутствия логики и самого содержания как такового. Встречаются также параллели с другими известными персонами, иногда простодушные (манера речи, напоминающая Дробышевского), иногда ехидные (по поводу сакрального смысла посоха «как у Софьи Залмановны» (Агранович. – *ПБ*)). Однако критические замечания могут иметь огульный характер, поэтому попробуем разобраться, насколько верны эти негативные оценки.

То, что можно было бы назвать основной частью лекции начинается, пожалуй, со слов: «И, соответственно (?!!), возвращаясь к Проппу, чтобы, все-таки, к нему вернуться и о нем поговорить побольше, поскольку в первую голову я вам обещала Проппа, то, соответственно, Пропп обращается к традиции шаманизма, когда пишет о духах-помощниках, которые, как мы с вами прекрасно знаем, в сказки до фи́га и больше» (51:41).

Если первые пятьдесят минут считать затянутой преамбулой, где Пропп предстает как добросовестный референт, делавший выписки для других более серьезных ученых, в частности, для такого известного исследователя шаманизма, как А.Л.Баркова, то в дальнейшем он, фактически, предстает как любитель волшебной сказки. Правда, неудачливый, если не сказать курьезный, поскольку его все время приходится поправлять – слишком многое он недопонял.

Как ни странно, хуже всего он разбирался в духах-помощниках, что в глазах А.Л.Барковой, безусловно, должно снижать его божественный статус до положения простого смертного.

¹ Дети лейтенанта Проппа. Часть I. Нет Бога, кроме Проппа, или Барышня с бубном // *ethnomanuscripts.ru*

«Причем есть сказки, – говорит А.Л.Баркова, – где дух-помощник у нас, в общем, один, да? Какой-нибудь волк и Иван-царевич. Вот вам, пожалуйста. То есть волк как проводник между миром живых и мертвых, он все это будет делать. А есть сказки типа «Летучий корабль», где духов-помощников собирается полная команда приключенцев. Причем вот там Владимир Яковлевич допускает одну серьезную ошибку э-э-э Потому, что э-э-э он э-э-э в общем-то не делает разницы между духами-помощниками, которые, ну, служат герою, да? Там типа вот конька-горбунка... Ну, «Конек-горбунок» – сказка литературная. Но мы же просто знаем банально по номеру сказку в сборнике Афанасьева, которая легла в основу. Вот. То есть там нету дополнительных ходов, которыми там у Ершова все украшено. А основной сюжетный ход... Ну, там это не конек-горбунок, там это просто конь, который все делает за героя. Вот. Поэтому это э-э-э сказка-то в основе своей все равно народная. То есть это дух-помощник, однозначно служащий герою. А если мы берем сказки типа «Летучий корабль», где есть богатырь Усыня. Что за богатырь богатырь Усыня? У него такие усы, что он ими реки перегораживает и может э-э-э собственно, по сути своей, это повелитель рек, он может, значит, вот запрудить реку... Вода идти не будет, если это надо будет по сюжету. Или он своими усами такую сеть поставит и вот в эти усы, значит вся рыба набьется, если это, опять же, надо по сюжету. Или, в крайнем случае, по его усу как по мосту через реку перейдут, если надо это по сюжету. Да? То есть это владыка рек. Богатырь Горыня, который горы ворочает. Если надо по сюжету свернуть гору, мы шас её быстренько свернем. Богатырь, которого зовут Дубыня или, как вариант Дугиня. Он в обоих вариантах своего имени сгибает дубы – логично? – в дугу. Поэтому его зовут хоть так, хоть сак. Богатырь Ветроуд. Сами догадаетесь о том, чем он занимается. Вот. Мороз, соответственно, который... там если главного героя хотят в бане зажарить заживо. Да? То Мороз туда идет и раскидает свою солому, и вот весь этот жар погаснет. Вот понимаете, что это вот помощник-то – помощники принципиально другого рода. Сам Пропп пишет о них, что это – хозяева стихий. И это помощники однократные. Каждый из них может исполнить вот одну, так сказать, просьбу героя. Так что это помощники немножечко другого рода, а Пропп их всех объединяет и это делает напрасно.

И вот здесь мы подбираемся к одному очень любопытному моменту. Знаете, какая штука: я, как уже говорила, что нет бога, кроме Проппа. И я на нем двадцать пять лет основываюсь... больше двадцати пяти лет, вот двадцать семь лет основываюсь э-э-э. И, действительно, его книга «Исторические корни волшебной сказки», она для меня краеугольный камень вообще-то. Ну, вся мировая мифология, ну, почти вся, объясняется через эту книгу. Да? То есть я ни в коем случае не хочу, так сказать, там авторитет Владимира Яковлевича оспорить. Но черт побери! Его книга – это защищенная докторская диссертация. Защищена она была перед Великой отечественной, где-то в самом конце тридцатых годов. Э-э-э за это время прошло без копеек восемьдесят лет. Ну, за восемьдесят лет наука могла как-то немножко сдвинуться вообще с места. Вот. Понимаете? Вот. Поэтому то, что глобально Пропп почти во всем прав, – а то, в чем он неправ, это я шас озвучу, – не отменяет его ошибок частных и локальных.

И вот, знаете, меня как человека, который и, с одной стороны, и шаманизмом интересовался как ученый, с другой стороны, как человека фэндома (???), который собственно современные, вот мистические всякие устремления э-э-э знает изнутри, меня классическое определение Проппа, что **волшебный помощник – это отделенные от героя его магические способности**, это классическое определение меня очень сильно при нынешнем чтении напрягло. Почему? Потому что это **так, если быть сугубым материалистом**. Мы с вами сегодня коснулись вот этого сложного момента, что у нас э-э-э наличие у человека волшебного помощника... Это в общем в определенных кругах совершенно нормально. Да? И **это отнюдь не делает его шаманом (здесь она, видимо, уже забыла о своей собственной формулировке: «шаман – это человек, который действует при помощи духов-помощников» (11: 50))**. И если вы хоть как-то касались нашего мистически настроенного – я даже не скажу фэндома, потому что фэндом он – не знаю там – он фэндом по чему-то, да там? Фэндом – я не знаю – там Гарри Поттера, Толкина, звездных войн, А я имею в виду нашу просто скорее мистически настроенную среду. И если... А я уверена, что в этой аудитории есть те, кто хорошо понимает, что я шас говорю о нем лично. В крайнем случае, я говорю о его друзьях. То есть о том, что у нас есть – как бы это выразиться поделкатнее – незримые собеседники. Давайте это так назовем. Вот. Те, с кем мы во внутреннем диалоге – они нам не всегда то, чтобы прямо уж помогают. Мы тут не в сказке живем; наше отношение к ним не утилитарно. Э-э-э наглюченные, наглюченные, а вот когда такой тебя фехтовать учит, тем вещам, которые ты не знаешь и знать не можешь. С этим что делать? Сложный вопрос. Понимаете? Э-э-э поскольку я-то это знаю и много с кем разговариваю э-э-э вот, я могу сказать, что – я вообще не люблю повторять, что девяносто процентов того, что мы считаем мистикой, что изучается наукой мифологией и так далее. Вот девяносто процентов этого – это на самом деле описывается курсом психологии. С остальными десятью что делать? Вот. Одним словом, не хотите верить мне, не верьте. Мне это, в конце концов... Убеждать-то вас чему? Вот. Я только хочу сказать вот какую вещь. Что, если мы смотрим извне, то действительно, **это то, что пишет Пропп**, и то, что сейчас озвучила (имя неразборчиво). Да? **То есть, что это, по Проппу, способности самого героя, которые персонифицируются, объективируются, вот, в качестве такого вот отдельного персонажа.** Э-э-э с точки зрения современной психологии, это **субличность, вот, которая тоже объективируется э-э-э, но с точки зрения самого носителя культуры...** И вот здесь что любопытно: **вот у нас шаманизм.** Да? Где всё это будет для тебя обязательно, где твой волшебный, с позволения сказать, помощник – я бы сказала волшебный диктатор – вот он тебе сказал: иди и делай, всё ты идешь и делаешь. Если ты не будешь делать, ты заболеешь. Может ли наш современный городской э-э-э товарищ, который вот он там с кем-то состоит в таком диалоге. Да? Может ли он ответить: нет? Может! Может ли он поспорить? Может! Разругаться может. Если он потеряет своего, выражаясь деликатно, незримого собеседника, чо будет? Ну что будет с вами, если вы потеряете вашего друга. Обидно будет! В общем, не смертельно. От этого... По крайней мере, ни одного случая смерти мне неизвестно». Реплика из зала (неразборчиво). Ответ: **«Опять же мы имеем классическую материалистическую точку зрения» (51: 51 – 59: 52).**

Возникает вопрос: из чего вообще может возникнуть подобное нагромождение слов? Пересказать это невозможно. Создать такую путаницу – надо уметь. Буквально каждое слово требует многочисленных пояснений и корректировок. К тому же лектор изъясняется не фразами, а периодами, причем так, что по ходу дела высказывается как бы не сам лектор, а наперебой его (её) многочисленные «субличности», явно враждующие между собой: одна интересуется мифологией, вторая – шаманизмом, третья молодежной субкультурой, четвертая – психологией и т.п. Все действительно как у Михалкова: *Нам купили синий-синий / Презеленый красный шар!*

Но о чем-то здесь речь должна идти, хотя бы в силу закона избыточности языка, несмотря на полную бессвязность как с точки зрения логики, так и литературного стиля? Если нельзя пересказать, попробуем это описать.

По собственному выражению А.Л.Барковой, её сильно «напрягло» то, что она называет классическим определением Проппа: **«волшебный помощник – это отделенные от героя его магические способности»**. По какой причине её так «напрягло»? Оказывается, ей удалось открыть новый факт, который ранее был неизвестен мировой науке. Наряду с «многократными» помощниками сказочного героя вроде конька-горбунка существуют помощники принципиально другого рода – помощники «однократные», каждый из которых может выполнить только одну просьбу героя: Горыня, Дубыня, Дугиня и пр. По мнению А.Л.Барковой, «Пропп их всех объединяет и это делает напрасно». Данное утверждение противоречит её собственным словам, что Пропп усматривал прообраз сказочных персонажей этого рода в так называемых хозяевах стихий.

Как с помощью этого факта можно опровергнуть упомянутое выше определение Проппа? Существование (в сказках!) нескольких типов помощников никак не противоречит пропповскому пониманию сущности этого сказочного персонажа. Сам Пропп говорит о том, что список помощников в репертуаре русской сказки довольно велик и выделяет несколько типов, Зооморфным помощникам (конь, орел, волк) противопоставляются антропоморфные помощники: Мороз-Трескун, Усыня, Горыня и пр.² На этом фоне замечание А.Л.Барковой («так что это помощники немножечко другого рода, а Пропп их всех объединяет и это делает напрасно») выглядит, мягко говоря, потусторонним.

Да и «классическое определение», согласно которому «волшебный помощник – это отделенные от героя его магические способности» на поверку оказывается несуществующим. Определению волшебного помощника посвящена целая глава книги – «Волшебные дары», где, в частности, говорится: «Рассмотрение помощника неотделимо от рассмотрения волшебных предметов»³. Нет речи ни о какой «отделенности», все совершенно иначе. Пропп говорит о том,

² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986, с.181.

³ Там же, с.166.

что помощник есть выражение способности героя, что помощник может рассматриваться как персонифицированная способность героя, что герой и его помощник есть функционально одно лицо⁴.

В этом пункте начинают возникать подозрения. Либо А.Л.Баркова пользуется каким-то специальным изданием книги «Исторические корни волшебной сказки», существующим в единственном экземпляре в ее личной библиотеке, либо настоящей причиной ее сомнений должно быть нечто более фундаментальное, из области «стратегической философии».

По ее словам, определение Проппа – это определение, данное извне, и как таковое есть проявление «сугубого материализма». Напротив, по утверждению А.Л.Барковой, с внутренней точки зрения, присущей носителю культуры, «мистической среде» наличие у человека «незримого собеседника» есть нормальное явление, которое в психологии принято именовать субличностью⁵. Вероятно, она хочет этим сказать, что субличность не является отделенными от человека его собственными качествами, хотя психологи, придерживающиеся учения о субличности, рассматривают последнюю как часть сознания, которую сам человек рассматривает как нечто отдельное от себя.

В целом рассуждения А.Л.Барковой представляют собой цепь высказываний, звенья которой никак не соединены между собой, поскольку она пытается одновременно говорить на объектных языках нескольких наук, которыми она к тому же крайне дурно владеет. Вот для того, чтобы как-то отвлечь внимание слушателей от этого обстоятельства, ею и используются манипуляции с тростью.

По поводу сетований относительно «сугубого материализма». Для своих выводов Пропп в качестве предмета исследования рассматривал представления о духах-помощниках шаманов. Процедура указания на несуществующие объекты принципиально невозможна. Нельзя сказать что-то о том, чего нет, но можно иметь представление о том, чего нет. В этом случае процедура именования совокупности дескрипций заменяет собой процедуру указания на референт термина (имени) «дух-помощник». А.Л.Баркова рассуждает о духах-помощниках шамана как о реальных существах, которых можно наблюдать так же, как зоологи наблюдают животных. Пропп тоже выступал против эмпиризма, который А.Л.Баркова почему-то называет «сугубым материализмом», называя это. «Будет грубой ошибкой, – пишет он, – если мы будем стоять на позиции чистого эмпиризма и рассматривать сказку как некую хронику»⁶.

Еще одно слабое место на множестве высказываний А.Л.Барковой – то, что она не понимает или не хочет понимать довольно простую вещь: заговорив

⁴ Там же, с.166-167.

⁵ В данном аспекте мы отвлекаемся от вопроса степени истинности или ложности (полноты или неполноты) учения о субличности в психологии. – *ПБ*.

⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986, с.31.

о фэндомных сообществах, она принимает на себя роль полевого исследователя. Так, истории отношений шаманов с их воображаемыми помощниками зафиксированы в этнографических отчетах. А.Л.Баркова же не предоставляет рассказы членов фэндомов об их «незримых собеседниках». По всей видимости, она даже не догадывается о необходимости фиксировать такие опросы письменно для последующего изучения, т.е. создавать так называемые этнографические источники. В данном случае даже не так важно, какая модель опроса будет использована, этнографическая или психологическая. Вряд ли внутренние диалоги членов фэндома отличаются от внутренних диалогов обычных людей. Но у неё таких записей попросту нет. Свои наблюдения она извлекает из своей собственной головы, а то, что происходит в этой голове, похоже неизвестно даже ей самой.

Прежде всего, фэндомные сообщества и волшебная сказка – это разные предметы исследования. Отождествлять члена фэндома с шаманом, шамана – со сказочным героем, а затем (по закону транзитивности: $a = b$, $b = c$, следовательно, $a = c$) члена фэндома – со сказочным героем, по меньшей мере, смешно. Наложение книги Проппа «Исторические корни волшебной сказки» на исследования фэндомных сообществ – а именно этим и пытается заниматься А.Л.Баркова – есть дичайшая, шедевральная ошибка.

Всё имеет свое объяснение, и мы его найдем в книге А.Л.Барковой «Введение в мифологию», где она, кажется, не на шутку разбушевалась. Почитаем: «Сначала несколько слов о самом Владимире Яковлевиче. В молодости он написал книгу, которая до сих пор остается одной из «священных» книг структурализма. Это книга «Морфология сказки». Весьма почитаемая в науке, сначала больше за рубежом, потом и у нас. Но, честно говоря, я эту книгу не люблю. И причин всеобщего безумия в связи с ней не понимаю, что. Впрочем, не отменяет всех ее достоинств. В этой книге Владимир Яковлевич подробно описывает структуру волшебной сказки, доказывая, что сказки при всем многообразии имеют структуру универсальную и чрезвычайно жесткую, что им весьма подробно выводится»⁷. Прежде всего непонятно, в чем причина не любви А.Л.Барковой к «Морфологии сказки» Проппа: в том, что он доказал наличие универсальной структуры или в том, что он это доказывал, но так и не доказал, т.е. не доказал, что волшебная сказка не имеет жесткой структуры? Если второе, становится непонятна причина любви к книге «Исторические корни волшебной сказки», по мнению А.Л.Барковой, лучшей работы Проппа⁸. Все дело в том, что сам Пропп необходимым образом рассматривал «Морфологию сказки» как ключ (первую предпосылку) к «Историческим корням волшебной сказки».

⁷ Пользуемся электронным ресурсом: e-libra.ru/read/568142-vvedenie-v-mifologiyu.html. См. раздел «Исторические корни волшебной сказки», абзац 2.

⁸ См. там же.

А.Л.Баркова находится полностью под влиянием слов Проппа из десятой главы – о том, что основой волшебной сказки является сложение двух циклов, цикла инициации и цикла представлений о смерти. В частности, соответствие представлениям о смерти он видит в мотивах похищения девушек змеями и разновидностях **чудесного рождения как возвращения умершего**. При этом он считал, что обряд инициации, с одной стороны, осмысливался как побывка в стране смерти, а с другой – умерший переживал все то, что переживал посвящаемый: получал помощника, встречал **поглотителя** и т.п. (с.353). Явные следы всего этого мы находим в отрывке лекции, посвященном сказке «Красная шапочка» (см. ниже).

«Красная шапочка – это **умерший во младенчестве ребенок**. Напугать, да? Очень страшная сказка. Красная шапочка – это признак младенца, вернувшегося с того света. Жила-была женщина, у нее родилась дочка, дочка спустя какое-то время умерла. Женщина очень горевала по умершей дочке – это бывает с мамами! Она горевала так сильно, что дочка к ней вернулась. А это, между прочим, русская сказка о Снегурочке. Только не Островский, а вот настоящая. Там, жили-были дед и баба; не было у них детей, и они себе сделали ледяную, то есть из мира смерти внучку. Последствия были так плохи, что стало понятно, что Снегурочку срочно надо расплавить, а Красную шапочку отправить к бабушке... Вы себе представили: чаща леса, там стоит дом; в нем живет одинокая бабушка. На слове «живет» можно, по-моему, смеяться. Ну вот, значит (неразборчиво), мать поняла, что надо девочку отправить к бабушке, отнести бабушке гостинцы. Потому что мертвым не место среди живых. Дальше ей встречается волк-проводник. Ну, вы же все знаете, что сказка хуже всего кончилась для волка. Вот... Потому что сказка предостерегает волков заговаривать с незнакомыми девочками посреди леса, особенно безобидно выглядящими. Вот, поэтому считайте, что сказка с хеппи эндом. То есть мертвую девочку отправили в мир мертвых. Живые остались живы, мертвые остались в мире мертвых. Равновесие восстановлено. Значит, скажем так. Что тут, во-первых, все-таки, сказка литературная. Это раз. И, во-вторых, я думаю, что тут просто мотив смерти как поглощения он усилен, потому что сказка, так сказать, заканчивается-то, все-таки, в народном варианте тем, что съели девочку. Вот. Поэтому тут просто усиливается **мотив поглощения**. Все-таки, она уже обработана. Ну, так вот, это значит бишь было к слову». (Здесь кто-то из аудитории напоминает, что «их извлекли».) Ответ: «А это вообще, по-моему, советское издание сказки». (Тот же голос из зала вспоминает про Перро.) Ответ: «У Перро, по-моему... Я не помню, есть ли это у Перро. Но, вы знаете, я помню эту сказку по прекрасному фильму «Мужчина и женщина». Помните? Хороший фильм. Там вначале главная героиня своей дочке рассказывает эту сказку. И заканчивается тем, что: ам – и съела девочку (45: 44).

Однако надо иметь в виду следующее. В первой главе «Исторических корней волшебной сказки» Пропп специально подчеркивает: «Мотив может быть изучаем только в системе сюжета, сюжеты могут изучаться только в их связях относительно друг друга» (с.19-20). Если исходить из этого положения, сказка про Красную шапочку выглядит совсем иначе.

Красная шапочка – это признак младенца, вернувшегося с того света.

Это утверждение возникает из сведений, явно почерпнутых из «Славянских древностей», из статьи «Красный цвет»⁹, где говорится о том, что красные шапки либо надевали на покойника, либо носили в знак траура. Также приводится хорватская быличка о явлении умершего ребенка в красной шапочке. Кроме того, по некоторым данным, красные головные уборы носят представители потустороннего мира, домовый, леший, черт. Однако вряд ли уместно этнографические факты, относящиеся к традиционной славянской культуре, сопоставлять облику героини французской сказки, тем более что красный цвет, по представлениям славян, не только принадлежит «тому свету», но и защищает от соприкосновения с ним¹⁰.

Женщина очень горевала по умершей дочке – это бывает с мамами! Она горевала так сильно, что дочка к ней вернулась. А это, между прочим, русская сказка о Снегурочке.

Это сближение французской сказки о Красной шапочке с русской сказкой о Снегурочке делается уже на основе прямого указания Проппа, который предполагал существование разновидностей мотива чудесного рождения как возвращения умершего (см. выше).

Видимо, по мысли А.Л.Барковой, здесь вырисовывается единая сюжетная линия возвращения умершей в мир мертвых: Красную шапочку съедают, Снегурочка тает. Как она говорит: «То есть мертвую девочку отправили в мир мертвых».

По утверждению лектора такой трагичный конец и представляет исконный, народный вариант. Когда кто-то из аудитории, напоминает, что сказка Перро заканчивается благополучным извлечением персонажей, проглоченных волком, А.Л.Баркова находчиво заявляет, что это «вообще советское издание сказки» (?!!!). Тут выясняется, что она даже не помнит, есть ли это у Перро, что эту сказку она знает по фильму «Мужчина и женщина», где в самом начале героиня рассказывает эту сказку своей маленькой дочери:

«И вот маленькая девочка разделась и залезла в кровать к своей бабушке. А эта бабушка, ты знаешь, девочка немножко удивилась, потому что она была странная эта бабушка. И вот девочка говорит: О, бабушка, какие же у вас большие глаза! А бабушка говорит: это чтобы лучше видеть тебя, мое дитя. О, бабушка, какой у вас длинный нос! А это чтобы лучше тебя чувствовать, мое дитя. А девочка: О, бабушка, какие у вас большие зубы! А это чтобы съесть тебя, мое дитя. И она её съела, съела, съела!»

⁹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995-2012. Т.3. 2004, с.648, 649.

¹⁰ Там же, с.648.

И этот постмодернистский (?) вариант всемирно известной сказки предлагается называть народным? Здесь девочку съедает именно «странная бабушка», волк вообще отсутствует как персонаж. Кстати говоря, этот рассказ есть, скорее всего, не что иное, как сильно купированная версия сказки Перро.

Что же касается народной традиции, и в записи Перро (XVII в.), и в записи из сборника «Французские народные сказки» (1959) сказка «Красная шапочка» заканчивается одинаково: дровосеки извлекают бабушку и внука / только бабушку из брюха волка (вариант: девочка, спасаясь от волка, залезает на дерево). В обоих случаях мы имеем дело с полной волшебной сказкой, переделанной из первобытной, неполной. Такую же сюжетную линию мы обнаруживаем и в сказке о Снегурушке в записи Э.В.Померанцевой (1948 г.). Снегурушка, убитая завистливыми подружками, сидела живая в дудочке, вырезанной из прутика на могиле Снегурушки. А вариант, записанный Афанасьевым, по своей структуре (композиции) представляет собой скорее ослабленную форму мифа. Он-то и был взят за основу пьесы «Снегурочка» Александром Островским. Неслучайно этот вариант попал не в сборник «Народные русские сказки» Афанасьева, а в его же «Поэтические воззрения славян на природу».

Итак, вследствие поверхностного, отрывочного знания этнографических реалий (зд. традиционной культуры), фольклорных текстов и некритического чтения самой работы Проппа А.Л.Баркова (особенно там, где она «идет строго по Проппу») фактически пародирует тоже не всегда бесспорные идеи, высказанные им по поводу происхождения волшебного-сказочных мотивов и сюжетов. Надо признать, что Пропп основывался на современных ему этнографических знаниях, причем в той литературе, на которую он опирался, за факты часто принимаются не всегда верные умозаключения. Но, все-таки, в целом Пропп имеет очень отдаленное отношение к тому, о чем так увлеченно рассказывает А.Л.Баркова. Несомненно, перлы встречаются иной раз и в научной литературе, но у неё их уж слишком много.

Формулировка Проппа о соотношении мотивов и сюжетов, данная в первой главе «Исторических корней волшебной сказки», является приоритетной по отношению к его же толкованиям сказочных образов. Кажется нельзя не согласиться с В.И.Ереминой: «В.Я.Пропп всегда специально оговаривал те случаи, когда из-за неполноты охвата материала не все детали проделанного им анализа оказывались достаточно проясненными»¹¹.

Согласно теории (системе) Проппа, при анализе сказок следует учитывать не собственно персонажей, а действия этих персонажей. В «Морфологии сказки» прямо сказано, что составной частью сказки является «поступок дей-

¹¹ Еремина В.И. Книга В.Я.Проппа «Исторические корни волшебной сказки» и ее значение для современного исследования сказки // В.Я.Пропп. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986, с.7.

ствующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия»¹². В «Исторических корнях» он пишет о функциональном, или морфологическом родстве (эквивалентности) персонажей и – даже – персонажей и предметов, т.е. не о том, как они выглядят, а о том, как они действуют¹³.

15 января 2020 г.

¹² Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969, с.25.

¹³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986, с.152, 191, 192.